

Дзалаева Камила Руслановна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX
ВЕКА**

Статья посвящена проблеме культурной политики Российской империи на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX века. Акцент делается на смене правительственного курса от радикальных насильственных мер покорения северокавказских народов к цивилизаторскому подходу. В качестве основных средств культурной политики выделяются такие из них, как православие, русский язык, образование, государственная служба, культурные институции и государственные праздники.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/15.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 60-62. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.85

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме культурной политики Российской империи на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Акцент делается на смене правительственного курса от радикальных насильственных мер покорения северокавказских народов к цивилизаторскому подходу. В качестве основных средств культурной политики выделяются такие из них, как православие, русский язык, образование, государственная служба, культурные институции и государственные праздники.

Ключевые слова и фразы: Северный Кавказ; Российская империя; северокавказские народы; утверждение российской государственности; распространение общероссийской идентичности; культурная политика; социокультурная интеграция.

Дзалаева Камила Руслановна, к.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра – «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
abisaltik@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Установление российской власти на Северном Кавказе, важнейшей задачей которого являлось утверждение российской государственности и распространение общероссийской идентичности, как известно, прошло далеко не безболезненно для обеих сторон – окончательное закрепление в этом полиэтничном горном крае с древними культурными традициями и укоренившимися в веках нормами общественного бытия, стремлением к независимости и выраженным проявлением этноцентризма потребовало много времени и сил. От успешности этого процесса во многом зависели положение империи на внешнеполитической арене и внутригосударственный статус царской власти среди ее многонационального населения.

Принципиальной отличительной особенностью северокавказских народов являлось то, что на протяжении многих столетий, вплоть до водворения российской власти, они обладали личной свободой и никогда не состояли ни у кого в подчинении, не имели над собой единолично распоряжающейся всем народом власти. Внутри каждого горского народа происходило разделение на обособленные общества в рамках конкретной местности, которые также не знали над собой единоличной власти в строгом смысле этого слова. На протяжении долгого времени в стремлении искусственно ускорить процесс покорения Северного Кавказа Российской империя прибегала к радикальным силовым мерам, что встречало в горской среде лишь противодействие и неприятие. Ни специально выставленные кордоны, ни массивированные рейды, ни «генеральные сражения», ни сеть укреплений, формировавших «пространство войны», не принесли желаемого результата [7, с. 60], поскольку горцы не хотели мириться с попранием основной своей ценности – свободы. В свою очередь, их непокорность все более раззадоривала противника, ослепленного собственными амбициями, пытавшегося найти уязвимые места в «туземной» обороне и нанести наиболее сокрушительный удар.

Несмотря на длительное сопротивление, геополитические и иные обстоятельства обрекали народы Северного Кавказа на единство с Россией [9, с. 30]. Со временем пришло понимание того, что невозможно изменить отношение горцев к России силой оружия, что установление эффективного диалога возможно только посредством выработки новой «мирной» концепции, опирающейся на идею культурного воздействия. Это, в свою очередь, привело к необходимости определения основных направлений российской культурной политики в отношении народов Северного Кавказа, ориентированной на их приобщение к основам российской государственности и гражданственности, формирование у них нового мировоззрения, трансформацию их системы ценностей и социально-ментальных установок, их интеграцию в общероссийское социально-культурное пространство. Институт аманатства, от которого Россия еще не была готова отказаться, деятельность православного миссионерства и русской школы, распространение русского языка, привлечение представителей северокавказских народов к военной и государственной службе, развитие культурных институций и участие местного населения в праздничных мероприятиях, имеющих государственное значение, были выбраны в качестве приоритетных механизмов наиболее эффективной политики «замирения» беспокойного Северного Кавказа.

Принимая присягу на верноподданство Российской империи, горские общества обязывались выдавать аманатов. При этом практика выдачи аманатов из влиятельных горских феодальных, узденских и старшинских фамилий для сохранения верности России касалась практически всех народов региона. Дети-аманаты рассматривались не только как заложники, но и как потенциальные агенты российской культуры среди своих земляков. Многие горские аманаты содержались настолько долго, что успевали окончательно обрусеть и навсегда оставались в России. Те же, которые по освобождении возвращались на родину, оставались настроенными пророссийски, являясь, по сути, проводниками иной культуры в местной среде [6, с. 195]: «...местная власть, не взирая на все затруднения, брала сыновей горских князей и влиятельных дворян в виде аманатов и отправляла их воспитывать в столичные кадетские корпуса... горцы сначала смотрели на эту меру как на насилие. Но когда дети их возвратились обратно домой в блестящих офицерских мундирах и материально обеспеченными, то в понятиях и чувствах большинства отцов произошел крутой поворот. Пробудив, таким образом,

с одной стороны, в горах доверие к правительству, в том смысле, что если оно занимается воспитанием детей, то этим оказывает им лишь благодеяние, а с другой – в народе массу желающих учиться, местная власть, не медля, приступила к устройству школ» [13, с. 12]. Современник справедливо замечал, что, устраивая аманатские школы, правительство делало весьма мудрый политический расчет: «...дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам» [1, с. 338].

Применение цивилизаторского подхода, к которому все больше склонялась российская администрация, утверждение принципов государственности с культурологических позиций постепенно позволило горцам оценить преимущество общественного устройства с единым центром и увидеть в ней определенную цивилизационную ценность.

Важную роль в укреплении российского самодержавия на Северном Кавказе сыграла политика России, направленная на «обрусение» края. Идеологическим основанием выступала идея «русификации», имевшая различный социальный смысл в разные периоды истории взаимоотношений центра с национальными перифериями [5, с. 61]. Наиболее ярким и функциональным средством реализации этой идеи стало распространение и внедрение в повседневную практику русского языка – фундамента русской культуры, основы российской государственности, ее неотъемлемого атрибута, важнейшего фактора суверенитета и территориальной целостности России. В рамках межкультурного взаимодействия он реализовывал функцию консолидирующего начала и межнационального общения. Прежде всего, русский язык был использован в качестве естественного средства в деле распространения на Северном Кавказе православия, поскольку сведения о бытовавших на его территории древних христианских традициях укрепляли ее надежды на христианизацию горских обществ. Христианское миссионерство было направлено на обращение в православие, формирование религиозного единообразия, создание образа «доброе русского», сильной и могущественной России, на то, чтобы этническая идентичность нерусских народов не брала верх над общеимперской, на нейтрализацию потенциального и реального сепаратизма образовательными средствами, на содействие формированию интеллектуальной элиты нерусских народов – учителей народных училищ, священников, переводчиков русской литературы, которые, прежде всего, рассматривались как выразители государственных и церковных интересов в «неспокойных» регионах Российской империи. Успехи православного миссионерства во многом определяли твердость государственных позиций России в отношении контроля над пространством, вместившем в себя множество народов, конфессий, языков и воспитательных традиций [4, с. 76].

Реализация задачи укрепления позиций христианства неизбежно вела к решению другого вопроса – формированию системы образования, что, в свою очередь, способствовало появлению множества учебных заведений не только религиозного, но и светского характера. С каждым годом население региона неравномерно, но все более уверенно вовлекалось в систему образования, популярность и востребованность которого приобрели массовый характер и способствовали возникновению новой социально-культурной общности – национальной интеллигенции. Выбор образования как приоритетного механизма воздействия на местное население было очень дальновидным и стратегически верным шагом: «Всякому известно, что школы составляют самое могущественное орудие умиротворения, завоевания народа и ассимиляции другого племени (народа)... Покорение образованием и есть глубокое и прочное покорение...» [11, д. 29, л. 8 об.]. Появилась объективная потребность в историко-этнографическом изучении этнического облика горских народов, их фольклора, этнографии, истории, к которому стали привлекаться солидные российские ученые, вступавшие в тесное сотрудничество с местными интеллигентами и общественными деятелями. Российские просветители руководствовались теми соображениями, что с приходом России на Кавказ для горцев наступила пора знакомства со светлым и обширным миром европейской жизни: «...если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то наша нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и с чем имеем мы дело, для того, чтобы определить затем, как удобнее, легче и скорее помочь нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни и приобщить их к свету и простору, открытых для европейской семьи народов» [2, с. 191]. Горцы Северного Кавказа имели разумно организованные формы общежития, общественных и сословных отношений, и от русского общества «требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить к деятельности среди мирной человеческой гражданственности» [3, с. 3].

Одним из эффективных механизмов налаживания взаимодействия с народами Северного Кавказа стало привлечение отдельных представителей знатных горских фамилий в административные структуры и на военную службу с целью формирования тем самым местной пророссийски настроенной элиты [10, с. 91]. Военно-административная власть на Северном Кавказе нуждалась в опытных и благонадежных чиновниках, владеющих местными языками и являющихся соединительным звеном между русской администрацией и горским населением. Политика привлечения представителей народов Северного Кавказа к государственной службе способствовала наращиванию сторонников пророссийской ориентации, укреплению основ российской государственности и распространению своего культурно-цивилизаторского влияния [8, с. 238].

Вектор «кавказской политики» России стал смещаться в сторону культурного строительства, воздействия на умы и сердца горцев посредством благ просвещения, воспитания в них чувства идентичности, гражданственности, принадлежности к общим духовным ценностям, их вовлечения в единое культурное поле страны. Современник отмечал, что «главные заботы лиц, стоявших как во главе управления, так и в отдельных частях его, всегда клонились к культурно-просветительной и созидательной работе в крае в целях приобщения разнобразных народностей, населяющих Кавказ, к общегосударственной жизни Империи, поднятию благосостояния населения края и улучшению его быта в духовном и материальном отношении» [14, с. 4].

Форпостами российской государственности в регионе стали молодые северокавказские города, через которые и осуществлялась многоплановая трансляция российской государственной идеологии. В городах стала развиваться система культурных институций. Библиотеки, театры, кинотеатры, музеи, выставки, различные клубы и общества способствовали формированию гражданского мировоззрения, замене традиционной системы ценностей на культурно-нравственные нормы, идентичные общероссийским. Городские учреждения российской культуры, возникающие в регионе, были призваны повышать уровень повседневной культуры, этики поведения, образования и эстетики [12, с. 58]. Предоставив благоприятную среду для развития культурной сферы, северокавказские города выступили как наиболее привлекательный и эффективный канал распространения российской культуры, идеи государственного единства, гражданственности и общероссийской идентичности среди народов Северного Кавказа.

Транслируя государственную идеологию и пропагандируя принципы государственного единства, православные и светские общественные деятели, образовательные учреждения и культурно-просветительские общества, библиотеки и музеи, театры и кинотеатры, праздничные церемонии и мероприятия, посвященные памятным датам общенародного значения, ставшие атрибутами городской культуры, способствовали духовно-нравственной связи между поколениями, формированию единой исторической памяти, обеспечивая тем самым приобщение местного населения к унифицированным социально-культурным ценностям и поведенческим нормам, стимулируя многоуровневый процесс межэтнического и межцивилизационного взаимодействия. Стратегический переход России от применения силы оружия к политике «замирения» народов Северного Кавказа средствами культурного воздействия во второй половине XIX – начале XX века стал важнейшим этапом в деле утверждения российской государственности и распространения общероссийской идентичности в регионе и сыграл определяющую роль в дальнейших российско-северокавказских отношениях.

Список источников

1. **Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.** / сост. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. **Айларова С. А.** «Идеалы европеизма» в творчестве северокавказских просветителей 60-70-х гг. XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 1999. № 1. С. 185-191.
3. **Гасиев А. А.** По части книжных древностей // Кавказ. 1873. № 36.
4. **Грачев С. В.** Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. 2002. № 7. С. 72-80.
5. **Кобахидзе Е. И.** Русифицирующий потенциал образования: к вопросу о русском языке в кавказской начальной школе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2015. № 3. С. 61-66.
6. **Кокиев Г. А.** Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института (ИЮОНИИ). Сталинир, 1933. Вып. I. С. 190-200.
7. **Коновалов В. С.** 2007.01.009 – 011. Политика России на Кавказе. XIX – начало XX в. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. Реферативный журнал. 2007. № 1. С. 52-63.
8. **Кулешин М. Г.** Горцы Терской области на гражданской и военной службе Российской империи во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. 4 (72). С. 236-239.
9. **Матвеев В. А.** Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дисс. ... к.и.н. Ростов н/Д, 2005. 38 с.
10. **Муратова Е. Г., Батуева Э. А.** Институт аманатства в политике России на Центральном Кавказе в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 89-92.
11. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева.** Ф. 49. Оп. 1.
12. **Туаева Б. В.** Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв.: монография / Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 204 с.
13. **Шанаев Гуцыр.** Кое-что о горцах. Тифлис, 1888. 67 с.
14. **Шошин Ф.** Правда о кавказских горцах // Санкт-Петербургские ведомости. 1900. № 172.

CONCEPTUAL PECULIARITIES OF THE FORMATION OF CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Dzalaeva Kamila Ruslanovna, Ph. D. in History

*North Ossetian Institute for Humanities and Social Research named after V. I. Abaev –
Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Centre
“Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences”
abisaltik@mail.ru*

The article is devoted to the problem of the cultural policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the second half of the XIX and at beginning of the XX century. The emphasis is on the change of the government's course from radical forcible measures aimed at conquering the North Caucasian peoples to a civilizational approach. As the main means of cultural policy the author singles out the following: Orthodoxy, the Russian language, education, public service, cultural institutions and public holidays.

Key words and phrases: the North Caucasus; the Russian empire; the North Caucasian peoples; approval of the Russian statehood; spread of the all-Russian identity; cultural policy; socio-cultural integration.